ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 4 (16)
1923 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

№№ по порядку.	Наименование изданий.	В золот. руб. ЦЕНЫ: Р. К.
1.	**Авдеев, Н.** Революция 17-го года (январь—апрель)	— 60
2	**Александрова, Н.** Артем	— 50
3.	**Аркомед, С. Т.** Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе	— 40
4.	**Бобровская.** Записки рядового подпольщика (1894—1905 гг.). Ч. I и II	— 55
5.	**Большевистские тайные типографии**	— 50
6.	**Бубнов, А.** Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России	— 6
7.	**Бюллетень Истпарта № 1**	— 6
8.	**Деготь, В.** В свободном подполье	— 25
9.	**Из эпохи „Звезды" и „Правды"** (1911—1914 гг.). Сб. I и II	— 70
10.	**25 лет Р. К. П.** Иллюстрированный юбилейный сборник	4 —
11.	**К 25-летию I Съезда партии** (сб.)	1 10
12.	**Лелевич, Г.** В дни Самарской Учредилки	— 6
13.	**Лепешинский, П. Н.** На повороте. Воспоминания (1890—1905 гг.).	— 45
14.	**Максаков, В., и Нелидов, Н.** Хроника революции. Вып. I	— 70
15.	**Невский, В.** Николаевский Южно-русский рабочий союз	— 13
16.	**Ольминский, М. С.** Из прошлого. Сборник статей	— 25
17.	**От группы Благоева к Союзу борьбы** (1885—1894 гг.). Сборник. Ч. I.	— 13
18.	Отчет Р. С.-Д. Р. П. VIII междунар. соц. конгрессу в Копенгагене, перев. с франц.	— 45
19.	**Павлович, М.** (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия	— 12
20.	„ „ Россия и капиталистическая Франция.	— 12
21.	**Памятник борцам Пролетарской революции.** Т. I.	1 —
22.	**Пролетарская Революция.** Журнал №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.	12 60
23.	Стенограф. отчет VII Съезда Р. К. П.	— —
24.	**Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой.** Сборник воспоминаний	— 20
25.	**Р. К. П. в постановлениях ее съездов и конференций,** под ред. Л. Б. Каменева	— 50
26.	**Рябинин, А.** Р. М. Семенчиков (из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске)	— 20
27.	**Самойлов, Ф. Н.** Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении (1903—1905 гг.)	— 25
28.	**Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве**	— 17
29.	**Сверчков, Д.** На заре революции. Воспоминания (1903—1905 гг.).	— 60

Партийная работа во 2-м городском районе Петербурга.

(1905—1910 г.г.).

(По личным воспоминаниям.)

В начале 1905 г. пишущий эти строки очень плохо разбирался в политических партиях, а тем более революционных. Я только инстинктом чувствовал, что те, без различия партии, которые зовут на борьбу против царя и капиталистов,—и есть те люди, вокруг которых рабочим надо сплотиться для борьбы за лучшее будущее. Работал я в это время на конфектно-шоколадной фабрике по Старо-Петергофскому пр., дом 20, М. Конради. Хозяин фабрики был немец, человек очень хитрый, и умно умел эксплоатировать рабочих. Рабочим платил очень маленькое жалованье—от 16 до 30 рублей в месяц, выдавал наградные к Рождеству и Пасхе и за выслугу лет прибавлял за год по рублю в месяц. Рабочие на фабрике были полуграмотные и неграмотные, и на них эти награды действовали усыпляюще. Правда, была у нас маленькая группа высоко-квалифицированных рабочих-кондитеров. Но эти кондитеры были еще темнее простых рабочих. Картина обратная тому, что можно было наблюдать у металлистов, печатников и других. Находясь среди такой отсталой массы, слишком трудно было разобраться в том, что происходит, а тем более в революционных партиях.

Тем не менее, у нас составилась маленькая группа молодежи, во главе которой был молодой (18 лет) Костя—Константин Харевич, мой земляк, в 1911 или 1912 году умерший в психиатрической больнице в Петербурге (так называемой Николая Чудотворца). Он руководил у нас в 1905 году всей фабрикой и считался самым умным, самым развитым. Тогда он был в Гапоновской организации. 9 января 1905 года Костя, убирая раненых,

сильно простудился, слег весною в больницу и пролежал более шести месяцев. У него не было близких родственников в Питере, и я один навещал его в больнице. С приходом Кости наш кружок опять заработал, и уже в ноябре 1905 года, смутно разбираясь в программе, я вступил в ряды Р. С.-Д. Р. П., и весь наш кружок стал партийным. Особых событий у нас на фабрике не было. Появление листовок-прокламаций хозяина очень бесило, и он неоднократно выступал перед рабочими с речами: «Что вам нужно? Жалование вам я плачу, награду даю, и вы еще бунтуете». Хотя у нас особых бунтов не было, если не считать, что все политические забастовки нашему кружку удавалось проводить.

К 1906 году наш кружок так разросся, что вместо одного мы уже выбирали в подрайон 4-х тов. Была своя библиотека, и много рабочих состояли членами профсоюза конфетчиков. А что касается собраний, то их поголовно вся молодежь обоего пола и многие пожилые рабочие посещали. Собрания тогда обычно устраивались для беспартийной массы на Английском пр. на курсах Лесгафта и в клубе на Рижском пр. «Луч». И наша фабрика, где были такие покорные рабочие, после разгона I-ой Г. Думы не только первая выступила, но все мелкие фабрики по соседству приостановила. Интересно бойкот проводили мы в Г. Думу в 1906 г. У нас было определенно бойкотистское настроение: «давай Учредительное Собрание, а в Г. Думу выбирать не хотим!». Но для того, чтобы не дать администрации фуксом протащить своего человека в уполномоченные, мы выбрали неграмотного, глухого уже, пожилого рабочего Гаврюшу. Таким отношением мы просто хотели насмеяться над Г. Д. И когда мы Гаврюше сообщили, что он будет нашим представителем в Г. Д., то и он принял это за насмешку и сперва не поверил, а потом, когда убедился, что ему серьезно, а не в шутку говорят, так как мы ему купили в подарок табаку нюхательного и спичек, то и он заявил: «Ну что ж, и я скажу в Г. Д., что крестьянам нужна земля, а рабочим большее жалование и меньше работать».

Первое время к нам ходил в кружок очень преданный партиец по кличке Максим, меньшевик, и несмотря на это, в результате его пропаганды в кружке было больше большевиков, чем меньшевиков. Костя, о котором я говорил выше, был не только у нас на фабрике, но во всем подрайоне лидером большевиков. Близкое участие в нашем кружке принимала одна портниха, уже старый член партии и по возрасту старше всех нас, некто Вера Филипповна Федорова, по мужу Тараева. Она ввела к нам

товарища «Фому», Александра Петровича Смирнова (теперь член коллегии Наркомпрода). Рабочие очень любили Фому за его аккуратность и деловитость, хотя он не мог с своим красноречием тягаться с интеллигентами-меньшевиками. Но своей упорностью, простотой и умением подходить к рабочим, Фома всех побеждал, и его меньшевики просто боялись. Был еще у нас один товарищ—Дмитрий, бич меньшевиков, это студент Технологического Института, Борис Григорьевич *Богоявленский*. Он устраивал массовки, митинги, маевки и выступал на них. Товарищу Дмитрию всегда удавалось при выходе из фабрики рабочих устроить митинг. Рабочие его любили. В 1907 году его арестовали, а в 1908 году сослали на каторгу. И так партработа в нашем районе и в частности на фабрике Конради кипела до разгона 2-й Г. Д. 1907 года. Я не буду описывать тех митингов, которые мы устраивали в 1906 году на 6-й версте Балтийской железной дороги, которые рабочие массами посещали. Скажу только, что после одного такого митинга, где выступал и тов. Зиновьев, пошли с флагами и песнями, а нам навстречу—казаки. Я оказался счастливчиком (с одним товарищем залезли в болото, куда трудно было залезть казакам на лошадях), а остальных избили, при чем двум рабочим глаза повыбивали нагайками и свели в участок, поглумились и на второй день выпустили. А я с товарищем пропутешествовал до Лигова и оттуда пешком в Питер. Прихожу домой,—оказывается, наши пропагандисты предупредили домашних, чтобы приготовились к обыску.

Серьезная моя парт. работа началась в 1907 году. В начале этого года, до выборов на Лондонский съезд, работа кипела во всем Питере. Было достаточно собраний и было кому на них выступать. Тут работали и депутаты 2-й Г. Д. и прочие. И выборы на съезд партийный прошли очень живо. После разгона 2-й Г. Д., более активная часть товарищей была арестована, выслана; из нашей фабрики выслали трех товарищей, в том числе и Костю. Тут мне пришлось стать во главе своего кружка, больше того, и во главе профсоюза, т.-е. председателем правления. От поры до времени мы собирали свой кружок, а также подрайонные и районные собрания. Но уже на районных собраниях интеллигентов не было, приходила только одна Вера, которую многие рабочие считали интеллигенткой, и каждый раз сообщала новости. Новости всегда были печальные: того-то и того-то арестовали, о провалах П. К. и т. д. Так что в этот период очень редким было появление интеллигента на районных собраниях.

Но на городских партконференциях, которые тогда происходили в Териоках по Финляндской ж. д., приходилось встречать даже тов. Ленина, который тогда выступал против бойкота Г. Д. Я был тогда в числе бойкотистов и помню, как наша бойкотистская фракция собралась на совещание во главе с Николаем Выборгским. Это был известный Коновалов [1]), писатель, покончивший жизнь самоубийством в 1910 г. Николай и другие громили тов. Ленина за его «меньшевизм». Мне вспоминаются такие выражения некоторых бойкотистов: «это-де захудалые большевики, которые идут за тов. Лениным». И когда собралась вся фракция большевиков для разрешения кардинального вопроса,— участвовать в выборах в Г. Д. или бойкотировать, долго пришлось меньшевикам нас ожидать, ибо обсуждение этого вопроса затянулось на фракциях. Внутри большевистской фракции голосование устроили поименное, после проверки мандатов, а мандаты тут долго проверяли, так как был ценен каждый голос. Тов. Ленин победил только на 1 голос, и в силу парт. дисциплины бойкотисты вынуждены были сдать свои позиции. В особенности тов. Каменев, мне помнится, горячо защищал бойкот, говоря, что Г. Д. не что иное, как полицейская процедура под европейской вывеской, и нам незачем туда итти. Ильич парировал удары тов. Каменева следующими словами: «Укажите мне, товарищи, хоть один парламент Европы, где бы мы, с.-д., могли законодательствовать. И мы туда идем не для того, чтобы законы писать, а для того, чтобы использовать думскую трибуну в своих революционных целях. И постольку, поскольку в ближайшее десятилетие революции не предвидится, мы должны использовать всякую возможность, в том числе и думскую трибуну, для подготовки революции». С Ильичем не соглашались, спорили, но, в конце концов, он победил. Конференция решила участвовать в выборах.

Разъехавшись по местам, мы, бойкотисты, стали принимать энергичное участие в выборах в Г. Д. разноской бюллетеней, листовок по обывательским квартирам и таким образом агитировали обывателей, среди которых было много рабочих. Другие же рабочие гор. Петербурга, не имеющие на свое имя квартиры, избирательных прав не имели. Итак, до конца выборов в 3-ю Г. Д., убежищем для нашей партии были Териоки,—там собирался

---

[1]) Как выяснилось в 1917 г., Иван Андреевич *Коновалов* («Николай») был *провокатором*. *Ред.*

П. К. и городская конференция, оттуда привозилась нелегальная литература. Но скоро пришлось и этой возможности лишиться. Последняя конференция в Териоках была в конце октября 1907 г., где был гвоздем вопрос, кого от рабочих Петроградской губ. провести в Г. Д.,—большевика или меньшевика. Меньшевики выставили В. Чиркина (это был очень талантливый, развитой рабочий), а большевики—Полетаева. Конечно, Полетаев по развитию стоял далеко ниже Чиркина, но Полетаев был большевик, его и провели в Г. Д. Эту конференцию с трудом удалось закончить, так как финляндская полиция целую ночь не давала нам покоя и приходилось переходить с места на место по лесам, болотам и в темноте. Наконец, под утро собрались все усталые, конференцию закончили и разъехались по домам. Больше мне в Териоках не приходилось бывать.

Скоро после этой конференции в ноябре был арестован П. К. в полном составе, и опять приходилось начинать сначала, завязывать связи и т. д. В этот момент в нашем 2 городском районе уже никаких интеллигентных сил не было. Часть из них,—более революционная и близко стоявшая к рабочей массе,—была арестована, а были и такие, которые, разочаровавшись в революции, занялись богостроительством, богоискательством и совершенно ушли от рабочего класса. Казалось, немыслима никакая работа, так как запросы большие, а удовлетворять их некому. Соберемся одни рабочие, потолкуем и разойдемся. Часть рабочих, из бывших партийных, занялись эксами, другая часть пьянством и 3-я, незначительная, ушла учиться,—кто на вечерние курсы, кто в клуб. Эта последняя рабочая группа и представляла собой партию того времени. Между прочим, клуб О-ва «Просвещение» на Заводской ул. в районе Франко-Русского завода, где читались лекции для членов клуба по истории, политической экономии, профессиональному и революционному движению и т. д., много давал рабочим. Правда, в нем руководителями были меньшевики, но учиться нужно же было, хотя бы и у меньшевиков, так как интеллигентов-большевиков тогда почти что не было, а те, которые появлялись, быстро арестовывались, например некто «Солнцев» или Кирилл, который появился у нас в клубе и своими вопросами на лекциях и выступлениях страшно нравился даже меньшевикам-рабочим. Шла трудная кропотливая будничная партработа в клубах, в профсоюзах, на кружках и районных партсобраниях. И эта работа велась самими рабочими. Их имен я не упоминаю, да они никому ничего и не скажут, так как мы тогда друг друга

знали, как Петр, Иван, Александр и даже никогда не допытывались из-за конспиративных соображений, как фамилия того или иного товарища,—знали только, с какой фабрики или завода товарищ и больше ничего.

Собрания у нас тогда происходили очень конспиративно, и, кого выбираем в районный и, в особенности, в П. К., было известно только 2-м, т.-е. избранному и тому, кто подсчитывал голоса, голосовали записками. Тем не менее, П. К. «садился» очень часто, каждые 3 месяца, если не ошибаюсь. Собирались, конечно, у рабочих на квартире, а так как наши товарищи жили сплошь и рядом с беспартийными в одной комнате по несколько человек, то очень часто на рабочих, а в особенности работниц с обывательской психологией наши собрания наводили очень много страха. Помню, в 1908 году собрался в воскресенье райком по Лейхтенбергской ул., в самом пролетарском центре, в бедно обставленной пролетарской комнате. Только расположились и приступили к делу (один тов. был в манишке), пришла женщина, помочила швабру в помои и как раз по манишке грязной шваброй товарища наездила: «Ах вы, жиды! Люди богу молятся, а вы собрались». Аналогичные разгоны наших собраний не были исключением, т. к. у каждого из нас то родственники, то просто хорошие знакомые всячески старались нам помешать собираться. Но мы таких разгонов не боялись, беспрекословно расходились, когда нас разгоняли Главное, чтобы полиции не было известно, а что в таких квартирах, где мы собирались, никто в полицию не пойдет доносить на нас, мы в том были убеждены и не ошибались.

Стачек, которые бы имели особое значение, в 1908 г. в нашем гор. районе не было. Но парт. пропаганда, собрания, массовки в лесу и на квартире происходили регулярно. И все это обслуживалось силами самих рабочих. Были времена, что казалось: вот-вот вся организация погибла, так как одного за другим выхватывали, сажали, ссылали, но на его место появлялись все новые и новые товарищи и плохо ли, хорошо ли, но силами самих рабочих обслуживались профсоюзы, клубы и т. д. И к концу 1908 г. в связи с внесением в Г. Д. закона о гос. страх. рабочих была проведена по всем профсоюзам, фабрикам и заводам страховая кампания силами самих рабочих, и эта кампания оживила работу и пополнила наши ряды.

К осени стали появляться не только в районах, но и на кружках опытные пропагандисты, как, например, некто «Сергей» (студент, фамилии не знаю), Шура или Александр Буйко (бывший

рабочий Путиловского завода, проф., очень опытный партработник) и многие другие. Ликвидаторство приняло к этому времени уже определенные формы, и у нас в клубе «Просвещение» пустило глубокие корни. Тут началась усиленная работа по вышибанию ликвидаторов и из легальных рабочих организаций. Но это было дело не одного-двух месяцев; отрицательно относился к использованию легальных возможностей и отзовизм, который, с одной стороны, и полицейские репрессии, с другой, сильно тормозили эту работу. Только этими 2-мя причинами можно было объяснить тогдашнее засилье ликвидаторов в профсоюзах и клубах.

Помню, Ц. Б. профсоюзов того времени сплошь состояло из ликвидаторов и меньшевиков за исключением, может быть, одного-двух товарищей. До того момента, пока мы не вышибали меньшевиков из клуба и профсоюзов, они еще терпели в Ц. Б. профсоюзов представителя от П. К., а П. К., как известно, никогда не был меньшевистским. А тут—к концу 1908 г., в этом представительстве Ц. Б. отказало, и П. К. оказался оторванным от жизни Ц. Б. Тогда меня провели от городского района в П. К., главным образом, для того, чтобы таким путем иметь через меня представительство от П. К., так как независимо от избрания в П. К. я был представителем в Ц. Б. от своего профсоюза. Это, между прочим, характерно вот с какой стороны: избрали меня,— тогда еще совсем посредственного профработника, в то время, как у ликвидаторов были в Ц. Б. Колокольников, Магидов, Малиновский (тогда «Болото», впоследствии известный провокатор), Яцыневич. Я же был очень маленьким профработником, только председателем такого маленького и отсталого профсоюза, как конфетчики. Это объяснялось только тем, что у большевиков в то время не было таких крупных профработников, как у меньшевиков. И это, по-моему, был большой минус нашей партии.

Недолго мне пришлось представлять П. К. в Ц. Б. профсоюзов и, если мне память не изменяет, я ни одного доклада не успел сделать в П. К. о работе Ц. Б. Самым боевым вопросом тогда была борьба с отзовизмом, во главе которой стояли некто Иван Сысоев, партийный профессионал, очень талантливый товарищ (умер в Петрограде в тюрьме от чахотки в 1911 году), и интеллигент «Всеволод». Группа отзовистов в Петроградской организации была очень сильна, и потребовалось очень много усилий, чтобы одержать над ней победу. На противоположной точке зре-

ния стояли так называемые антиотзовисты, к которым примыкал к тому времени и я. Во главе были Буйко Александр (рабочий с Путиловского завода, по кличке «Шура»), Сергей и многие другие. Побывал я на двух, трех собраниях П. К.

1-го марта 1909 года П. К. был арестован в Психоневрологическом Институте (Невский, 104). Арестовано было человек 14. Помню следующих: Буйко, Александр, Вера (секретарь П. К.), Кузнецова, Денисов, Всеволод, Дворцова Роза, Сысоев Иван, Алтшуллер, Крауклис, студент Психоневрологического Института Бублеев Михаил. На этом собрании предполагалось обсудить 1) все тот же вопрос об отзыве фракции из Г. Д. и 2) вопрос о смертной казни в связи с внесением его в Г. Д., кажется, к.-д. Сначала, как и всегда, шла проверка мандатов. Понятно, как отзовисты, так и антиотзовисты стремились получить большинство, в силу чего проверка была очень тщательная. Кой-кого, в том числе и товарища Сергея, попросили уйти из собрания, чем и спасли от ареста. Арестовали нас днем, а в тюрьму отправили ночью. Привлекли нас всех по знаменитой 102 статье, но Сысоева освободили недели через две-три, меня, после десятимесячного сидения выслали из Питера. Веру Кузнецову освободили под залог в 500 рублей, и она уехала за границу. На суде 4-х человек оправдали за недостатком улик, а 7 или 8 человек получили возмездие по 102 ст.—вечную ссылку на поселение.

Объяснить такой, сравнительно благополучный исход не берусь. Большое значение имел вопрос, кто как умел соблюдать конспирацию. Например, я скажу про себя —я всегда старался не записывать лишнего в блок-нот. По возможности нелегальщины у себя на квартире не держал. Адреса я записывал в спичечной коробке и такими условными знаками, что только я мог понять. Всей этой конспиративной премудрости я научился у Филиппа Васильева. Кроме того, нас патрульный успел предупредить, зато сам сел, и нас арестовали не в аудитории, где заседали, а на лестнице, а это имело существенное значение для дела. Кроме того, в это время была публичная лекция в Институте, и лично я на допросе говорил, что я пришел на лекцию и ни о какой Р. С.-Д. Р. П. и П. К. ничего не знаю. Другие очевидно так же врали, и надо полагать, что пошли в ссылку те, у кого нашли порядок дня, написанный в блокноте, и те, которые ранее привлекались, и, возможно, указанные провокаторами, а такой у нас в составе членов П. К. был (некто Сосицкий, очень активный тогда работник, рабочий Путиловского завода). В день ареста его на собрании не было.

Возможно, что невыгодно было не оставлять никого на развод, чтобы охранка не теряла «связи» с партией.

Сысоева Ивана освободили раньше всех, через две-три недели, только потому, что его спутали с братом, и охранка спохватилась только тогда, когда он удрал за границу. Потом, очевидно, мучаясь тем, что на нем лежит пятно подозрения в провокации, в 1910 году, переезжая границу при возвращении в Россию, был арестован, посажен в тюрьму и, привлеченный к суду по делу 1-го марта 1909 г., умер в 1911 году в тюрьме в Петрограде. А подозрение в провокации возникло так: до ареста с товарищем Сысоевым жил брат в одной комнате; брат никакой революционной работой не занимался, но, после ареста, при производстве обыска на квартире арестовали обоих братьев, как это обычно делалось в России. Потом выяснилось, что один из Сысоевых никакого отношения к делу не имеет, и дали распоряжение освободить. Сысоева освободили, да не того. Потом освободили и второго, как совершенно непричастного к делу, и стали разыскивать первого, но он, не будь дураком, удрал за границу. Всего этого было тогда достаточно, чтобы Ивана Сысоева заподозрить в провокации. В начале 1910 года его судили партийным судом, он приезжал из-за границы на суд и на этот раз благополучно. Его, конечно, оправдали. Но сомнение в душе многих товарищей в его честности, как революционера, осталось. А для революционера потерять свою репутацию тяжелее всякой каторги. Товарищ не выдержал и погиб, как я писал выше.

Первое время на меня одиночная тюрьма скверно подействовала, никак не хотелось мириться с вынужденным бездействием, но скоро я акклиматизировался. Я только в тюрьме почувствовал, что мы, рабочие, еще очень мало подготовлены к предстоящим битвам. Тут мы изучали Маркса, изучали свои ошибки и промахи. Тюрьма была тогда для рабочего единственно доступною школой. После восьмимесячного одиночного заключения, когда мне надзиратель сообщил: «Вы освобождаетесь», я к его сообщению отнесся совершенно хладнокровно и даже как-то не хотелось отрываться от книги, я в этот момент читал «4 побега» Дейча,—эта книга меня так увлекла, что я от нее не мог оторваться, и надзирателю пришлось меня торопить, чтобы я поскорее собирал вещи. Не успел я переступить порога тюрьмы, как началась канитель. Меня, раба божия, не просто освободили, а потащили в Выборгскую часть, потом в сыскное отделение, потом в Спасскую часть, где пришлось сидеть среди подонков

общества, во вшах и грязи. Тут я с удовольствием вспоминал о своей одиночной камере и недочитанной книге, которую впоследствии дочитал уже на воле. Потом пересыльная тюрьма, этап, и к концу 1909 года я попадаю в деревню,—к себе на родину. Начинаются преследования попа, урядника и т. д. Потом удираю опять в Питер, опять безработица и без квартиры, словом,—на птичьих правах живем, как тогда называлось. Об этом можно было бы писать очень много, но времени нет, скажу только одно, что после тюрьмы так мне и не удалось в Питере обосноваться с работой, и в апреле 1910 года я уехал из Питера в Ригу. В заключение скажу только одно, что далеко не правы те, кто стал бы отрицать, что в 1907—1908 г.г. в Петрограде слабо велась партработа. Наоборот, в эти годы рабочий, углубляя работу, стал выдвигать из своей среды тех, кто должен был заменять разочаровавшихся в революции 1905 г., другими словами стал выдвигать на место родовой революционной интеллигенции свою пролетарскую интеллигенцию.

Ко всему сказанному добавлю следующее: Аресты 1-го марта 1909 г. были только ударом по организации, но не распадом. В тюрьме я получил сведения, что опять избран П. К., что там работает усиленно Гриша, т.-е. Усиевич. И у нас, на фабрике Конради, хотя там рабочие были очень темные, малограмотные, но кружок после моего ареста не распался, во главе его стал другой товарищ, Афанасенко, и под его руководством работа продолжалась дальше в кружке и в профсоюзе. Больше того, бросилось мне в глаза, когда я вышел из тюрьмы, что рабочие не только не боятся тюрьмы, а, наоборот, те, которые не бывали там, стремились, или, вернее, ничего не имели против того, чтобы попасть туда. Так, побывавшие в тюрьме оказывались более развитыми, а кроме тюрьмы, рабочему негде было учиться.

А. Пирейко.

ПРАВЛЕНИЕ
МОСКОВСКО-КИЕВО-ВОРОНЕЖСКОЙ жел. дор.

настоящим извещает, что с 20/XII—22 г. оно

ОТКРЫЛО

КОММЕРЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО
в МОСКВЕ, КИЕВЕ и ОДЕССЕ

для производства коммерческих операций, согласно положения о Коммерческих Агентствах, утвержденного 13/X п./г., за № 3850 и опубликованного в официальном отделе № 21, „Вестника Путей Сообщения".

КОММЕРЧЕСКИМИ АГЕНТАМИ НАЗНАЧЕНЫ:

в МОСКВЕ — Зиновий Маркович ЛИФШИЦ (Софийка, 3. Тел. 2-91-88);
„ КИЕВЕ — Моисей Абрамович СОЛОМОНОВИЧ (Б. Васильковская, 44);
„ ОДЕССЕ — Григорий Самойлович РАБИНОВИЧ (ул. Энгельса, 14).

Все подробные справки о производимых операциях и установленных тарифах выдаются в Коммерческом Отделе Правления Московско-Киево-Воронежской ж. д., Покровка, 37 и у вышеуказанных коммерческих агентов.

ПРАВЛЕНИЕ.

Московский Союз Потребительских Обществ (М.С.П.О.)

В УНИВЕРСАЛЬНЫХ МАГАЗИНАХ ТОВАРНОГО ОТДЕЛА

имеется большой выбор разнообразнейших товаров:

МАНУФАКТУРЫ, ГАЛАНТЕРЕИ, ТРИКОТАЖА, ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ, ОБУВИ, ПОСУДО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ и ПИСЧЕБУМАЖНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

Членам первичных кооперативов СКИДКА.

Маг.: № 1. Кузнецкий М., 3.
„ „ 2. Б. Серпуховка, 4.
„ „ 3. Тверская, 61.
„ „ 4. Арбат, 27.
„ „ 5. Мясницкая, 6.
№ 6. Преображенская пл., 9.
„ 7. 1-я Тверск.-Ямск. 38.
„ 8. Уг. Сретен. и Сух. пл., 46/2.
„ 9. Уг. Таганск. и Ирининск.
„ 10. Таганская пл., 1/2.

Для удобства первичных кооперативов г. Москвы и губернии, ЕГГО, Райотделений и Госучреждений открыт оптовый магазин (Никольская, 3), откуда названным организациям товар оптом отпускается непосредственно.